

Злюся
Романова

Ушедшая
любовь

Истории осени

Злюся Романова
Ушедшая любовь

«Автор»

2026

Романова З.

Ушедшая любовь / З. Романова — «Автор», 2026 — (Истории осени)

Иван и Люба прожили вместе тридцать два года. Их история началась с одного взгляда на плацу военного училища и продлилась десятилетия счастья, разделённых трудностей и испытаний, которые только крепче спаяли их сердца. Казалось, ничто не способно разрушить этот союз. Но однажды осенним вечером Ваня возвращается домой не таким, как всегда. В его глазах — пустота, в жестах — отчуждение, а в словах — приговор, который разбивает Любе сердце. Что стоит за его решением? Почему человек, клявшийся в вечной любви, вдруг становится чужим? И можно ли спасти то, что кажется навсегда потерянным? Книга представляет собой эмоционально-сложное произведение о любви, ошибке и вине.

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Злюся Романова

Ушедшая любовь

Пролог

Тишину в доме нарушал только монотонный стук дождя за окном и скрежет когтей Дуськи по паркету.

Иван бродил из комнаты в комнату, словно призрак в собственной жизни, не находя пристанища ни в одном уголке. Дуська ходила следом за своим хозяином.

Оставаться здесь было невыносимо — каждый предмет кричал о прошлом. Но и бежать прочь — означало окончательно потерять последнюю нить, связывавшую его с ней.

Он превратился в слепого путника, блуждающего в тумане собственной боли. А как найти путь, когда тебя самого больше нет? Ты вроде бы ходишь, видишь, дышишь — но всё это лишь автоматические движения пустой оболочки.

Его шаги, когда-то лёгкие и уверенные, теперь стали тяжёлой поступью старика.

Взгляд, прежде зоркий и живой, потускнел и обратился внутрь — в беспросветную тьму. Дыхание, всегда ровное и глубокое, теперь ловило воздух судорожными рывками, будто сквозь тугую петлю. Не вздохнуть, не выдохнуть — только каменный ком под рёбрами, сжимающий сердце ледяными тисками.

Он наклонился и потрепал огромную собаку по загривку. Рука ощутила тёплую, живую шерсть — единственное настоящее в этом мире призраков. Он молчал. Собака молчала, понимая больше, чем любой человек.

Иван обвёл взглядом гостиную.

Всё стояло на своих местах: её любимая книга, фотографии в рамках, альбом с набросками, оставленный на подлокотнике дивана...

Всё как раньше. И одновременно всё чужое, мёртвое, искажённое страшной правдой: её здесь больше нет.

Она ушла, растворилась, оставив после себя лишь эхо смеха и невыносимую тишину. А он, глупец, остался один — пожирать горькие плоды своей лжи.

Мысли, острые и беспощадные, вновь накатили волной, завертели воронкой в сознании, вытягивая последние силы. В груди сковало так, что воздуха не хватило даже на стон.

«На воздух, мне срочно нужно на воздух», — пронеслось в голове, и он, почти бегом, выскочил на веранду.

Ночной воздух обжёг лёгкие прохладой и влажным запахом земли.

Дождь, не утихая, стучал по крыше. В бледном свете луны, пробивавшемся сквозь тучи, стояли два кресла-качалки — немые, верные стражи их бывшего покоя и счастья. На спинке одного всё так же лежал её клетчатый плед. Мягкий, тёплый, такой родной.

Сердце Ивана сжалось с такой силой, что в глазах потемнело.

Он видел её, как будто она сидела там прямо сейчас: закутанная в этот самый плед. Она могла сидеть так часами, любясь, как закат окрашивает небо в розовые и золотые тона, а потом наблюдать, как первые звёзды зажигаются над её цветником. И всегда у её ног, положив тяжёлую голову на мягкие тапочки, лежала Дуська, изредка вздыхая во сне.

Так они и сидели втроём. Без слов. Просто были. И в этом безмолвном единении, в этой тишине, заключалось всё их простое, бесценное счастье.

Ключевое слово — были.

Прошедшее время. Окончательное. Приговор, который он сам подписал и вынес себе.

Ноги подкосились.

Иван опустился в пустое кресло, прижав к себе плед, который всё ещё хранил её запах. Он прижал ткань к лицу, и плотина, сдерживавшая отчаяние, рухнула. Глухие, раздражающие душу рыдания, вырвались наружу, сотрясая всё его могучее тело.

Глава 1

Люба сидела на веранде в своём любимом кресле-качалке, и спицы в её руках мерно постукивали, вытягивая ровные петли тёплого шерстяного шарфа.

Это была её осенняя традиция, ритуал длиной в тридцать два года.

В их жизни не было нужды, деньги давно перестали быть проблемой, но эта традиция была не о деньгах. Она была о чём-то гораздо более важном.

О любви. О внимании. О тихом семейном счастье, которое не купишь ни за какие богатства.

Ей бесконечно приятно было осознавать, что уже много-много лет муж по-прежнему дорожит этим простым подарком и носит его, не снимая всю зиму. А когда на следующую осень она бралась за новые спицы и новую пряжу, он никогда не выбрасывал старый шарф. Аккуратно складывал и убирал в шкаф, приговаривая тем своим, неторопливым, чуть хрипловатым голосом: «Это ведь ты сделала, Любаша. Ну как я могу выкинуть?». От этих слов у неё внутри всё теплело, словно она слышала их впервые.

Люба обожала своего мужа.

Не просто любила — жила им, его дыханием, его улыбкой, его шагами в прихожей.

Если где-то и были заповеди о том, что нельзя терять себя, растворяться в другом человеке, Люба нарушила их все в один единственный миг.

В тот самый миг, когда молоденькая, робкая учащаяся медицинского училища впервые встретила на плацу взгляд красивого, подтянутого курсанта.

Это было на вручении дипломов у брата её подруги, Бориса.

Среди стройных рядов в военной форме Ваня выделялся не просто статью, а какой-то внутренней силой, тихой уверенностью, которая не нуждалась в словах.

Он подошёл первым. Представился коротко и серьёзно, по-военному чётко: «Иван». Люба, краснея до корней волос и боясь поднять глаза, всё же протянула ему руку и едва слышно выдохнула: «Люба».

Он был высоким, крепким, весь — выправка и дисциплина. А она — хрупкой, нежной, потерявшей дар речи от его пристального взгляда серых, ясных глаз.

Она не знала, куда деть руки и как спрятать внезапно вспыхнувшие щёки, но сердце уже билось часто-часто, отбивая совсем иной, новый для неё ритм.

Она полюбила его сразу. Не постепенно, не сомневаясь, а одновременно и навсегда. Увидела — и всё внутри отозвалось тихим, безошибочным эхом: «Это он».

А Ваня, встретив её взгляд, понял то же самое.

В тот же день, когда они впервые увиделись, он позвал её на свидание и, глядя прямо в глаза, сказал ей то, что она запомнила на всю жизнь: «Ты — та самая. Я сразу это понял».

Он всегда был таким — прямолинейным, честным, не умеющим юлить и изворачиваться. И в этой его правдивости была такая сила, такая надёжность, что Люба поверила ему безоговорочно. С первого слова и навсегда.

Ваня любил её.

Это чувствовалось всегда и везде — даже в те редкие часы, когда они ненадолго расставались, Люба всё равно ощущала эту любовь. Она была разлита в воздухе, которым он дышал, в его взгляде, в его молчании.

Ваня смотрел только на неё — даже в многолюдной толпе его глаза безошибочно находили её одну. Ваня восхищался только ею — и не потому, что не замечал других, а потому что другие для него просто не существовали.

Он страдал, когда Любе было плохо, принимая её боль как свою, пропуская через себя. Он радовался, когда у неё что-то получалось, и сиял ярче солнца, будто это была его собственная победа.

Но самое главное, Ваня не оставил её, когда прозвучал тот страшный диагноз. Бесплодие. Слово-приговор, слово-проклятие, которое рушило мечты о детском смехе в доме, о маленьких ручонках, тянущихся к отцу, о продолжении их большой любви.

В тот день Люба сидела на кухне, комок стоял в горле такой огромный, что невозможно было ни вздохнуть, ни проглотить его.

Она смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и боялась поднять глаза на Ваню. Боялась увидеть в них жалость, сожаление или, страшнее всего, зарождающуюся мысль о том, что он заслуживает другой судьбы.

Собрав остатки сил, она выдавила из себя то, что разрывало сердце на части:

— Ваня... — голос её дрогнул, но она заставила себя продолжать. — Я не могу держать тебя. Я хочу, чтобы у тебя была полноценная семья. Чтобы у тебя были дети. — Она подняла на него глаза, полные слёз, но не позволяя им пролиться. — Я отпускаю тебя. Я готова дать тебе развод.

Воздух в комнате застыл.

Ваня не двигался.

Он сидел напротив неё, с присущим ему спокойствием глядя прямо в глаза. Люба замерла, боясь дышать, боясь моргнуть, боясь разрушить эту хрупкую тишину, которая могла обернуться чем угодно — приговором или спасением.

А потом он сделал то, чего она совсем не ожидала.

Одно резкое движение и Ваня преодолел разделявшее их расстояние.

В мгновение ока его руки схватили её со стула, прижали к себе так крепко, так отчаянно, будто он пытался не просто обнять — растворить её в себе, вплавить в свою грудь, в своё дыхание, в самую суть своего существа. Вжать так сильно, чтобы ни одна сила в мире не смогла их разъединить.

Его руки сомкнулись вокруг неё стальным, но бесконечно нежным кольцом, а лицо уткнулось в её макушку, в пахнущие хвоей волосы.

А потом она услышала.

Прямо напротив её уха. Тук-тук-тук — гулко, мощно. И в этом бешеном ритме она вдруг уловила то, что словами передать невозможно: его страх потерять её, его отчаянную любовь, его решимость не отпускать никогда.

Сердце Вани билось в унисон с её собственным сердцем — два отдельных, но навеки связанных ритма.

— Дурочка... — выдохнул он хрипло. — Какая другая семья? Без тебя я сдохну как собака. Ты слышишь меня? Сдохну.

Он сказал это так, что Люба поняла: так и будет.

Это не было громкой фразой или попыткой утешить. Это была правда. Та самая, в которой он никогда не умел юлить. Простая, страшная и прекрасная в своей абсолютной честности.

Без неё — нет его.

В тот день они не сказали больше ни слова. Они просто сидели, обнявшись, на маленькой кухне, и слёзы Любы текли по щекам, но это были уже другие слёзы — слёзы облегчения, благодарности и такой глубокой, всепоглощающей нежности к этому человеку, что слова были не нужны.

Тот разговор не сломал их. Он соединил их в одно целое крепче прежнего, спаял так, что разорвать эту связь не смогло бы уже ничто. Ни годы, ни болезни, ни любые испытания.

Скрипнули ворота, отвлекая Любу от воспоминаний.

Спицы замерли, шарф на мгновение повис в руках. Она вся обратилась в слух и ожидание, всматриваясь в знакомые очертания машины.

Люба заулыбалась, сначала уголками губ, а потом и всем лицом, озарившись тёплым светом. Это значило — её Ваня приехал домой.

Глава 2

Ворота распахнулись, и во двор, мягко шурша шинами по гравию, въехала знакомая служебная машина.

Люба отложила спицы, и сердце её привычно ёкнуло. Каждый раз, когда Ваня возвращался домой, она чувствовала одно и то же: тихую радость, щемящую нежность и благодарность судьбе за то, что он у неё есть. Тридцать два года прошло, а это чувство встречи не припустилось ни на миг.

Дверца автомобиля открылась, и из салона вышел он.

Её Ваня.

Люба смотрела на него и не переставала удивляться: годы шли, а он будто и не менялся.

Всё та же подтянутая, крепкая фигура, которую не согнули ни гарнизонные будни, ни тяготы командировок в горячие точки, ни сама жизнь.

Всё тот же острый, внимательный взгляд серых глаз, который когда-то, тридцать два года назад, пронзил её насквозь на плацу военного училища. Тогда она ещё не знала, что этот взгляд станет для неё домом на всю оставшуюся жизнь.

Ваня уже несколько лет был на пенсии, но сидеть без дела не умел. Организовал своё охранное предприятие на пару с Борисом, тем самым другом, с которым когда-то делил все тяготы курсантской жизни. Дело их процветало, стояло уверенно, на крепких ногах. Ваня оставался Ваней — надёжным, нескгибаемым, настоящим.

Люба же из-за бесконечной гарнизонной жизни так и не смогла построить карьеру, о которой мечтала когда-то. А ведь мечтала она стать врачом — помогать людям, лечить, спасать. Но жизнь распорядилась иначе.

Она работала там, где приходилось: то в детском саду, нянчась с чужими детьми, то в продуктовом магазине за прилавком. Было время — даже отслужила несколько лет в армии прапорщиком.

Сколько городов они сменили с Ваней, сколько адресов, сколько стен! Но она никогда не жаловалась.

Ни разу.

Потому что всегда, везде, в любых условиях рядом с ней был он.

«Куда я без своей Любаши?» — неизменно отвечал Ваня, когда кто-то из сослуживцев или знакомых удивлённо спрашивал, неужто он и на новое место службы снова едет с супругой.

Для него этого вопроса просто не существовало. Люба была не просто женой, она была частью его самого. Без неё он себя не мыслил.

Из машины следом за Ваней вышел водитель, молодой паренёк Игорёк, который работал у них уже второй год. Увидев Любу на веранде, он приветливо улыбнулся:

— Добрый вечер, Любовь Павловна!

— Добрый вечер, Игорёк, — отозвалась она тепло, машинально поправляя выбившуюся из небрежного хвоста прядь.

Игорь повернулся к Ване:

— Иван Васильевич, я на сегодня свободен?

— Да, — коротко кивнул Ваня, даже не обернувшись. Его взгляд был прикован к Любе.
— Можешь отдыхать.

Игорь закрыл машину, попрощался и вышел со двора. Там, прямо у въезда на участок, была припаркована его легковушка. На ней он каждый день добирался до них и уезжал к себе домой, к семье.

Люба положила спицы на кресло и, по-девичьи легко, сбежала по ступенькам веранды. Ноги сами несли её к нему — всегда несли, сколько она себя помнила.

В одно мгновение она оказалась рядом, обвила его руками, прижалась к груди, вдыхая родной запах.

И тут же почувствовала: что-то не так.

Обычно в ответ он тут же смыкал руки вокруг неё, прижимал к себе крепко-крепко, мог даже приподнять и закружить, если настроение было особенно хорошим.

Сегодня же Ваня стоял напряжённый, словно натянутая до предела струна. Люба ощутила это каждой клеточкой, каждым нервом. Тридцать два года брака не проходят даром, они обостряют чувства до предела, делают двоих единым целым.

Она подняла голову, заглянула ему в лицо, пытаясь прочитывать ответ в любимых чертах.

И сердце её тревожно дрогнуло.

— Вань... — голос её дрогнул, выдавая внезапную тревогу. — Что с тобой?

Он молчал.

Внимательно, изучающе смотрел на неё, будто видел впервые и одновременно будто прощался с чем-то очень важным. А потом медленно, бережно, убрал с её лица выбившуюся прядь светло-русых волос. Они с детства вились у неё мелким бесом и вечно норовили выбиться из любого, даже самого тугого хвоста. Этот жест, такой знакомый, такой родной, почему-то сейчас кольнул сердце острой, холодной иглой.

— Пойдём, Любаша, в дом, — глухо произнёс он.

Люба взглядела в лицо любимого мужа. Внутри всё замерло, притаилось в тревожном ожидании.

Что-то не так.

Что-то определённо не то.

Тридцать два года вместе — она знала своего Ваню лучше, чем себя. Чувствовала его кожей, угадывала настроение по одному лишь дыханию, ловила эмоции до того, как он успевал их озвучить. И сейчас всё её существо кричало: что-то случилось.

— Проблемы на работе? — начала допытываться она, вцепившись взглядом в его глаза, пытаясь пробиться сквозь эту внезапную стену отчуждения. — Вань, скажи мне...

Вместо ответа он вдруг обнял её.

Резко, сильно, отчаянно прижал к себе так крепко, как тогда, много лет назад, когда она, рыдая, предлагала ему развод из-за диагноза «бесплодие». Только сейчас в его объятиях было что-то другое. Что-то, что Люба понять не могла.

А потом из его груди неожиданно вырвался тихий напев.

Люба замерла, узнав мелодию с первых же нот.

Это была та самая, из «Семнадцати мгновений весны», которую они оба любили.

Она отпрянула, заглянула ему в глаза широко распахнутыми, испуганными глазами:

— Ты чего, Вань? Ты меня пугаешь...

Он сжал её плечи сильно, но не больно, глядя прямо в душу.

— А вот этого не надо. — Голос его стал твёрже. — Ничего не бойся. Слышишь? Всё у тебя будет хорошо.

— У меня? — переспросила она растерянно, не понимая. — А у нас? Ваня, что случилось?

Он не ответил.

Только посмотрел на неё долгим, пронзительным взглядом, а потом отстранился, развернулся и медленно пошёл к дому, оставив её стоять посреди двора, в сгущающихся сумерках.

— Пойдём, Любаша, — бросил через плечо. — Я голодный что-то...

Но голос его звучал глухо, неестественно, словно говорил не он, а кто-то другой.

Люба стояла и смотрела на удаляющуюся фигуру мужа.

Сердце колотилось тяжёлыми, неровными ударами, а в груди разрастался холодный, липкий ком тревоги.

Что-то надвигалось.

Что-то страшное, о чём она пока не знала, но уже всеми фибрами души чувствовала приближение беды.

Глава 3

Люба всё стояла, вцепившись взглядом в тёмный проём, в котором скрылся Ваня, пока холодный вечерний воздух не пробрался под лёгкую кофту и не заставил поёжиться. Только тогда ноги сами понесли её к дому.

Она вошла в прихожую, прислушалась.

Тишина.

Только мерный шум воды из ванной на втором этаже нарушал безмолвие дома.

Люба медленно поднялась по лестнице, держась за перила рукой. Каждая ступенька давалась с трудом, в последнее время Любу мучило повышенное давление и небольшое головокружение. В спальне горел мягкий свет прикроватной лампы, разгоняя вечерний полумрак тёплыми, янтарными лучами.

Ваня уже успел сполоснуться и стоял к ней спиной в одних домашних штанах — широкоплечий, родной. Мокрое полотенце небрежно висело на шее.

Люба замерла на пороге, всматриваясь в знакомые очертания, в каждую линию его спины, которую изучила за годы лучше любой карты. Она ждала, что он обернётся, улыбнётся, шагнёт к ней навстречу, как делал всегда.

Но Ваня не обернулся.

Он будто не слышал её шагов, не чувствовал её присутствия, погружённый в свои мысли настолько глубоко, что окружающий мир для него перестал существовать.

Мгновение и он снова зашёл в ванную, видимо, чтобы повесить полотенце. Движения его были механическими, отстранёнными, словно тело двигалось само по себе, пока душа находилась где-то далеко-далеко от неё, от этого дома.

Люба смотрела на дверь, за которой он скрылся, и чувствовала, как между ними невидимой стеной вырастает что-то холодное, непроницаемое. То, чего не было никогда за тридцать два года.

А перед глазами Любы всё ещё стояла его спина. Широкая, крепкая и вся испещрённая неровными, безобразными шрамами. Люба видела их сотни раз. Гладила по ночам, водила пальцами по каждому бугорку застывшей кожи, целовала эти страшные отметины и каждый раз сердце обливалось кровью заново. Словно это не шрамы на его теле, а незаживающие раны в её собственной душе.

Она знала историю каждого из них. Знала ту осень, когда всё случилось.

Ваня тогда уже около года был командиром роты. В тот день он поехал на полигон с молодыми бойцами отрабатывать бросок боевой гранаты. Обычное, рутинное занятие, каких в его службе были сотни.

Он и не думал, что этот день станет особенным. Но судьба распорядилась иначе.

Один из солдат, совсем ещё мальчишка, с испуганными глазами и дрожащими руками, вырвал чеку и перепутал всё на свете. Вместо того чтобы бросить гранату вперёд, он в панике швырнул чеку, а граната так и осталась в его побелевших пальцах. Секунды — песок сквозь пальцы, мгновения, решающие всё.

Люба не была там, но потом, много позже, ей рассказывали свидетели. Как Ваня одним движением вырвал гранату из рук обмершего парня. Как швырнул её в сторону и всем телом накрыл солдата, прижимая к земле, закрывая собой от неминуемой смерти. Как взрывная волна ударила ему в спину, вгрызаясь осколками в живую плоть.

Боец остался жив.

Цел, невредим, только поседел, наверное, в тот день на всю оставшуюся жизнь.

А вот Ване досталось. Более десяти осколков вонзились в его спину, разрывая мышцы. Месяц в госпитале. Две сложные операции.

Люба, когда узнала, едва не сошла с ума.

Ей позвонили из части и сообщили скупыми, казёнными фразами: «Ваш муж ранен, состояние тяжёлое, приезжайте».

Она не помнила, как добиралась, как вбежала в двери госпиталя. Помнила только одно: белые стены реанимации, стерильный запах лекарств и своё отражение в стеклянной двери — обезумевшее, бледное, с огромными от ужаса глазами.

Всё время, пока Ваня был между жизнью и смертью, Люба практически жила у стен госпиталя. Ей выделили маленькую комнатку для родственников, но она почти там не появлялась. Комната была лишь местом, где можно было упасть без сил на пару часов, чтобы снова вернуться в коридор реанимации.

Днём она сидела на жёстком пластиковом стуле, впиваясь взглядом в каждую медсестру, выходящую из палаты, ловя малейший намёк на новости. А когда силы кончались, и вера начинала угасать, она бежала в маленькую церквушку, построенную прямо на территории госпиталя, туда, где можно было упасть на колени и кричать без звука.

Там, перед образами, она шептала одни и те же слова, раз за разом, как мантру, как единственную молитву, которую знало её обезумевшее от горя сердце: «Господи, спаси его. Господи, сохрани. Забери всё, что хочешь, только оставь мне его. Я без него не могу. Не могу, Господи, слышишь? Не могу...»

И Бог услышал.

Ваня выжил.

Выкарабкался назло смерти, назло судьбе, назло всем прогнозам. Вернулся к ней.

Но его спина навсегда осталась страшной страницей их жизни, выжженной на коже грубыми, рваными шрамами. Люба видела в них не уродство, она видела цену, которую он заплатил за чужую жизнь. И любила его за это ещё сильнее.

Воспоминания схлынули так же внезапно, как нахлынули, оставив после себя горькое послевкусие и ком в горле, который никак не удавалось сглотнуть. Люба моргнула, возвращаясь в реальность, и взгляд её упал на комод, где в полумраке спальни тускло блеснул экран телефона.

В этот самый миг тишину разорвал звонок.

Телефон Вани завибрировал, и на экране высветился незнакомый номер. Люба замерла, не зная, что делать.

Ваня вышел из ванной и взял телефон в руки. Посмотрел на экран и лицо его мгновенно изменилось. Черты заострились, между бровей пролегла глубокая, напряжённая складка. Не ответив, он нажал отбой, положил телефон обратно на комод и, не глядя на Любу, развернулся и снова ушёл в ванную, плотно закрыв за собой дверь.

Сердце Любы пропустило удар, а потом забилось часто-часто.

Что-то было не так. Совсем не так.

Тридцать два года брака обострили её чувства до предела.

Она подошла к комоду.

Рука сама потянулась к телефону. Пальцы коснулись холодного стекла экрана, и Люба замерла на мгновение, борясь с совестью.

Подглядывать — нехорошо. Неправильно. Ваня никогда не давал ей повода сомневаться в себе. Но липкая тревога за мужа пересилила все сомнения.

Она нажала на кнопку.

Экран загорелся, требуя пароль. Люба, не раздумывая, ввела их дату, день, когда они расписались, день, который Ваня никогда не забывал, день, ставший началом их общего пути.

Телефон пиликнул, высветив короткое, безжалостное сообщение: «Неверный пароль».

Сердце ухнуло вниз. Она попробовала снова. И снова отказ. Люба почувствовала, как холод ползёт по позвоночнику ледяной змеёй, сковывая движения, сжимая грудную клетку.

Ваня никогда не скрывал от неё ничего.

Никогда.

Их телефоны всегда были открыты друг для друга, как открыты были сердца. Она знала его пароли, он знал её. Это было негласным правилом, не нуждающимся в обсуждении.

Зачем ему менять пароль?

Что он прячет?

Глава 4

Люба стояла посреди спальни, сжимая в руке Ванин телефон, и смотрела на дверь ванной, за которой снова зашумела вода. В руке пульсировало холодное стекло — предмет, который всегда был просто предметом, а теперь превратился в сосуд с тайной.

Мысли в голове кружились в бешеном хороводе, сталкивались, разбивались на осколки и снова собирались в одну пугающую картину: он что-то скрывает.

Ваня, её Ваня, который никогда ничего не скрывал, который тридцать два года был для неё открытой книгой, теперь имел от неё тайну.

Люба положила телефон на место и медленно вышла из спальни. Ноги сами понесли её вниз, на кухню. Нужно было чем-то занять руки, чем-то успокоить разбушевавшееся сердце. Движение казалось единственным спасением от мыслей, которые грозили разорвать голову на части.

На кухне горел мягкий свет. Она машинально поставила чайник, достала с полки любимую кружку — ту самую, с петушками, которую Ваня подарил ей на Масленицу в первый год их жизни на Дальнем Востоке.

Воспоминание нахлынуло внезапно и ярко.

Они тогда только прилетели в Хабаровск, месяца ещё не прошло. Люба чувствовала себя потерянной в краю бескрайних сопок, среди чужих пока ещё людей.

Офицерские жены решили устроить праздник: отметить окончание зимы широкой Масленицей. Кто из офицеров был свободен — вышел помочь с расстановкой столов, а жены пекли блины и пироги. Люба тоже напекла, хоть готовить тогда умела не очень хорошо. Она стеснялась, переживала, что выйдет не так как нужно.

Накрыли большой стол прямо на улице, нашли откуда-то настоящий самовар, украсили его большими баранками. Чего только на столе не было: и блины, и пироги, и оладьи, и варенье, и сгущёнка, и сметана. Пришли мужья, и все вместе стали праздновать.

Любе было весело и хорошо, но поначалу она сильно тушевалась. Новые лица, новые порядки, новая жизнь. Она ещё плохо знала этих женщин, не понимала их шуток, боялась сделать что-то не так.

Но Ваня — он чувствовал всё. Он не отходил от неё ни на шаг. Обнимал за плечи, шептал на ухо что-то тёплое, глупое, отчего щёки заливались румянцем, а страх отступал.

А потом, посреди праздника, он достал эту кружку, с нарисованными петушками. Сказал, что, когда они приземлились в Хабаровске, он увидел её на витрине небольшого ларька и сразу понял: это для неё. Купил, положил в чемодан и забыл в суете переезда. А сегодня, разбирая вещи, нашёл и решил, что лучшего момента не придумать.

Люба до сих пор помнила тепло, разлившееся в груди, когда она взяла эту кружку в руки. Не дорогую, не изысканную, а просто кружку с петушками. Потому что он подумал о ней. Потому что он всегда думал о ней.

Чайник закипел, щёлкнув выключателем и вырывая её из воспоминаний. Люба заварила мятный чай, который всегда пила, когда тревога сжимала сердце в ледяные тиски. Мятный запах всегда успокаивал.

Она села за стол, обхватив кружку ладонями, и уставилась в одну точку. Мысли не отпустили, сверлили мозг:

Кто звонил? Почему он сменил пароль? Что за тайна, которую нельзя доверить жене, с которой прожито столько лет?

Она сделала глоток ароматного напитка, перебирала в голове все возможные варианты: проблемы на работе, долги, болезнь... Но Ваня всегда делился с ней всем. Всегда. Даже когда

было страшно, даже когда могло напугать её, он говорил: «Любаша, мы вместе, значит, и беда на двоих». Эти слова стали их девизом, их клятвой, их щитом от всего мира.

Так почему сейчас он молчит?

Шаги на лестнице заставили её вынырнуть из мыслей с такой силой, будто кто-то выдернул её из глубокого омута.

Люба поставила кружку на стол и выпрямилась, пытаясь принять спокойный вид. Сердце стучало так, что, казалось, его удары отдаются в стенах, в потолке, во всей кухне. Виски сдавило железным обручем, но она заставила себя дышать ровно.

Ваня вошёл на кухню.

В домашних штанах и светлой футболке, с ещё влажными после душа волосами тронутыми на висках сединой.

Он выглядел усталым и каким-то... чужим.

Люба смотрела на него и не узнавала.

Тот же разрез глаз, те же руки, та же родинка на шее возле уха, но взгляд... взгляд был направлен куда-то в пустоту, сквозь неё, сквозь стены, сквозь всю их совместную жизнь.

— Садись ужинать, — сказала она как можно спокойнее, ставя перед ним тарелку с рисом и гуляшом.

Ваня любил обычную еду. Сколько бы лет ни прошло, сколько бы денег у них ни появилось, он всегда был рад тому, что готовила она. Борщ, котлеты, макароны по-флотски — это было для него дороже любых ресторанных изысков.

Они могли позволить себе несколько раз в год летать за границу, обедать в дорогих ресторанах, но дома Ваня всегда просил: «Любаша, сделай чего-нибудь вкусенького, домашнего».

Рис с гуляшом был его любимым с курсантских времён. Люба готовила его сотни раз, и Ваня всегда нахваливал, просил добавки, а после благодарно целовал в макушку.

Сегодня он не притронулся к еде.

Сел за стол, посмотрел на тарелку пустым, ничего не выражающим взглядом и отодвинул её в сторону. Впервые за всё время их жизни он отодвинул еду, приготовленную ею.

Этот жест показался Любе страшнее любого удара. Он словно отодвинул не тарелку — он отодвинул её саму.

Она смотрела, как его сильная, с выступающими венами, рука, которая держала её в самые страшные минуты, которая гладила по голове в бессонные ночи, лежит неподвижно на столешнице, и внутри у неё всё обрывалось.

— Ты же сказал, что голоден, — тихо напомнила она, надеясь, что это заставит его поесть, вернуться в нормальность, развеять этот кошмар. Голос её звучал жалко, умоляюще, но она ничего не могла с этим поделать.

Ваня молчал.

Он встал из-за стола, подошёл к графину с водой, налил полный стакан и выпил залпом. Потом подошёл к окну, упёрся руками в подоконник и застыл. Его плечи и спина были напряжены так, что, казалось, мышцы сейчас лопнут.

Люба смотрела на его спину.

Ту самую, которую гладила ночами, когда он приходил уставший и засыпал, положив голову ей на колени.

Ту, которую целовала, бережно проводя губами по каждому шраму, оставленному осколками.

Ту, которая долгие годы закрывала её от страхов, от неуверенности, от всех опасностей мира.

За этой спиной она чувствовала себя маленькой и защищённой. За этой спиной был её дом.

И сейчас, глядя на неё, она чувствовала, как реальность уходит из-под ног.

Пол накренился, провалился куда-то в сторону, словно палуба тонущего корабля. Стены начали расплываться, терять чёткие очертания, превращаясь в размытые пятна.

Только эта спина оставалась нерушимым центром вселенной.

Она притягивала взгляд с неодолимой силой, как пламя свечи в полной темноте.

Люба смотрела и не могла отвести глаз.

Она ждала.

Ждала, что Ваня повернётся. Что посмотрит на неё. Что скажет: «Любаша, а махнем в выходные на рыбалку?» или «Любаша, меня Борька обыграл в бильярд, придётся проставляться!»

Но он стоял неподвижно и молчал.

— Ваня, — голос её дрогнул, но она заставила себя продолжать. — Что происходит? Скажи мне. Мы всегда всё делили пополам. Помнишь? Ты сам так говорил всегда. «Мы вместе, значит, и беда на двоих». Так почему сейчас ты молчишь?

Тишина в кухне стала невыносимой.

— Ваня... — позвала она с мольбой. — Пожалуйста...

Он медленно повернулся.

Люба увидела его лицо и похолодела.

Внутри всё оборвалось. На его лице не было ни злости, ни раздражения, ни даже усталости. Не было ничего из того, что можно было бы понять, объяснить.

На его лице была решимость. Спокойная, окончательная, не терпящая возражений. Решимость человека, который всё для себя решил и больше не сомневается.

Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, тем самым, которым когда-то сказал «ты — та самая», только сейчас в нём не было любви.

В нём была пустота. А потом открыл рот и произнёс:

— Я ухожу...

Люба не сразу поняла. Слова доходили до сознания медленно, сквозь вату, сквозь шум в ушах.

— Куда? — спросила она растерянно.

Ваня сделал шаг к ней.

Остановился.

Посмотрел прямо в глаза. Туда, где ещё теплилась надежда, и убил её...

— От тебя, Любаша, — тихо, но отчётливо произнёс он. — Я ухожу от тебя.

Эти слова упали в тишину кухни и разорвали всё.

Люба смотрела на него и не верила.

Не могла поверить.

Тридцать два года вместе, рука об руку, через все гарнизоны, через все беды, через все болезни, через все взлёты и падения. И вот теперь — эти слова.

Она хотела что-то сказать.

Хотела спросить «почему», хотела закричать, забиться в истерике, упасть на колени. Но горло перехватило спазмом, таким сильным, что невозможно было выдавить ни звука. Язык онемел, прирос к нёбу.

Хотела заплакать, но слёзы застыли где-то внутри, превратившись в ком, который душил, давил, разрывал грудь изнутри.

Она просто смотрела на него, на человека, которого любила больше жизни, которому отдала всю себя без остатка, ради которого готова была на всё, и видела в его глазах то, чего никогда не видела раньше.

Пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.